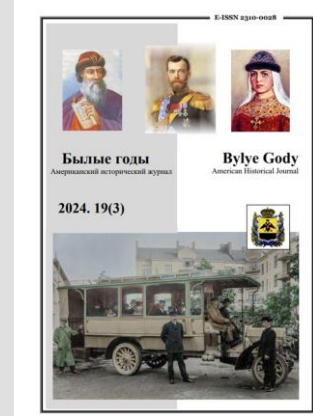

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1257-1264
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1257

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Dichotomy of Public and Private on the Case of the Phenomenon of Sexual Commerce in Yenisei Province in the late XIX – early XX centuries

Daria N. Nesterenko ^{a, *}, Denis N. Gergilev ^a, Nadezhda L. Khait ^a, Tatyana V. Izluchenko ^a

^a Siberian Federal University, Institute for the Humanities, Russian Federation

Abstract

The article considers the phenomenon of sexual commerce through the prism of the dichotomy concept of public and private in the pre-revolutionary society of the Russian Empire in the middle of the 19th – early 20th centuries. Private is a category that included what was hidden from society, which was intimate in character. On the one hand, private is associated with individualism, the presence of internal moral counterbalances that delineate a space to which the rest of the participants of society, as a rule, have no access. The public, on the other hand, is associated with social relations. At the same time, the boundaries of the concepts are outlined in view of the coexistence of two opposite social institutions in pre-revolutionary Russia: the patriarchal family with a set of values and the institution of legalized sexual commerce, which was introduced into the rank of a craft after the reform of Count L. A. Perovsky. Sexual commerce as a phenomenon was used by researchers as a conceptual and categorical apparatus that denoted practices of sexual exchange, which had a compensatory nature, with multiple agents. The use of such a term excluded the moral burden of other concepts, such as prostitution. The concept of dichotomy through the mutually negative properties of appearances in the present study allowed us to conclude that the two institutions are not mutually exclusive. The social processes that were examined in the article through the prism of dichotomy allowed us to approach the essence of the contradictory nature of everyday life. The unique locus of Yenisei province within the space of the Russian Empire implied the presence of authentic everyday practices among certain social categories. They were not perceived as an anomaly, but at the same time violated the boundaries delineated by society in the locus of privacy. Synthetic correlates of behavioral norms and anomalies of Russian pre-revolutionary society allowed us to overcome some contradictions of theoretical and methodological obstacles.

Keywords: dichotomy, public, private, XIX – early XX centuries, sexual commerce, Yenisei Province, Russian Empire.

1. Введение

Общество всегда живет в рефлексии по отношению к общественным институтам и их механизмам. Совокупность повседневных обыденных установок формирует у гражданина государства понятие нормы, присущее такому термину, как ментальность. В Российской Империи существовали две разнонаправленные тенденции: с одной стороны, это патриархальная семья с системой морально-нравственных ценностей, исключающих любого рода отклонения в сексуальном поведении, а с другой, – регламентированная государством сексуальная коммерция.

Под сексуальной коммерцией авторы подразумевают термин, который обозначает социально-экономический феномен, характеризовавшийся практиками сексуального обмена на возмездной основе. Такое понятие позволяет избежать моральной нагруженности термина «проституция», а также

* Corresponding author

E-mail addresses: d.n.matveeva@mail.ru (D.N. Nesterenko)

охватить не только женщин, которые непосредственно предоставляли интимные услуги, но и других акторов сексуальной коммерции.

С 1843 г. графом Л.А. Перовским была инициирована реформа, которая легализовала практики сексуального обмена. Целью этой меры был, прежде всего, медико-санитарный надзор и контроль над элементами непосредственной группы риска ввиду распространенной «любоэрастной болезни», сифилиса (Матвеева, Хаит, 2019: 129). Однако изменений в уголовном законодательстве ввиду легализации сексуальной коммерции не последовало. Реформа существовала до 1917 г., так и не став юридической нормой и не претерпев серьезных функциональных и законодательских изменений.

При существовании института легализованной сексуальной коммерции в Российской империи сохранялось понимание патриархальной семьи с определенным набором ценностных установок. Церковь являлась одним из важнейших социальных институтов, который формировал понятие нормы и аномалии для общества.

Важно понять, каким образом формировалось представление о частном, приватном у индивида дореволюционного времени в повседневности, а также рассмотреть модели поведения, связанные с осознанием границ публичного. Правила поведения, нормы традиций и обычаев, которые имеют корни в исторических устоях общества, формируют определенные привычки, стиль повседневности. Целью статьи является анализ феномена сексуальной коммерции второй половины XIX века сквозь призму дихотомии публичного и приватного в повседневности.

Актуальность темы исследования обуславливается наличием современных дискуссий о легализации сексуальной коммерции. Более того, исследование такого сложного явления даст возможность приблизиться к пониманию феномена дореволюционной повседневности во всем ее многообразии.

2. Материалы и методы

Для анализа повседневности использовались периодические издания – Енисейские епархиальные ведомости как источник официальных средств массовой информации института церкви в дореволюционной России. Важной составляющей исследования являются делопроизводственные документы, впервые введенные в научный оборот. Это фонды Государственного архива Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация), а также Государственного архива Иркутской области (Иркутск, Российская Федерация). Более того, медицинские и статистические очерки того времени позволили дополнить ретроспективную картину повседневности.

Исследование базируется на трех понятиях: дихотомия, публичное, приватное (частное). Изначально эти понятия были присущи для социологических исследований. Приватное в данном исследовании рассматривается как модель личных отношений человека, нечто «сокровенное», интимное, индивидуальное (Теннис, 2002: 361). Социолог И. С. Кон говорил о лингвистических и ментальных проблемах «приватности» в России. Если в английском языке существует «privacy», что дословно обозначает сферу личную, недоступную для окружающих и малознакомых индивидов, то в русском языке такого слова нет (Кон, 2010: 205). Это связано, в том числе, с общинным укладом жизни, где отсутствовало понятие частной неприкосновенности в отношении личных границ индивида (Кон, 2010: 206).

Публичное же в настоящем исследовании характеризуется нормами, желаниями и благами большинства (Мельников, 2015: 125). Оно обусловлено доступностью и открытостью, в то время как приватное скрыто от локуса общественности.

Применение понятия «дихотомия» позволяет на основе различий и сходств приватности и публичности общества XIX столетия проследить те повседневные практики, которые формировали многообразие частной жизни. На основе взаимоотрицающих явлений и их свойств (дихотомии) институтов патриархальной семьи и легализованной сексуальной коммерции в XIX в. сделаны основные выводы в исследовании. Территориальные рамки обусловлены наличием отличительных и уникальных для губернии бытовых практик, которые дополняли общую ретроспективную картину Российской империи.

Сексуальная коммерция в дореволюционную эпоху ввиду легализации рассматривается исследователями как феномен. Это обусловлено применением к данному термину методологической концепции Э. Гуссерля, которая базируется на интенциональности, интерсубъективности и редукции. Интенциональность позволяет исследователю опираться на причинно-следственные связи в локусе сексуальной коммерции. Она репрезентативно подчеркивает ментальные и предметные связующие сексуальной коммерции. Интерсубъективное выстраивание исторического пространства сексуальной коммерции включает в себя полимодальность связей и фигурантов. При очерчивании социально-экономической общности акторов их представления о нормах и аномалиях могут отличаться, но это не взаимоисключающие элементы в рамках феноменологии. Редукция используется исследователями как завершающий этап формирования уникальных характеристик сексуальной коммерции в ландшафте Енисейской губернии, так как она предполагает формирование единого представления своей гетерогенности (Гуссерль, 2023: 65).

В исследовании использовался такой исторический метод, как проблемно-хронологический. Он использовался для анализа различных законодательных актов, ведомостей и других нормативных документов в их логической хронологической последовательности. Более того, так как ядром исследования является понятие дихотомии, важным для исследования было применение историко-системного метода, ввиду которого социальное пространство будет рассматриваться как единый механизм с противоречиями и общностями.

3. Обсуждение

В современной исторической науке применяются различные подходы для изучения повседневности XIX – начала XX вв. Н.Б. Лебина вводит понятия «нормы» и «аномалии», что позволяет воспринимать социальную реальность в контексте сочетания обыденного и отклоняющегося от нормы (Лебина, 2018: 43).

Важность исследования русской сексуальной культуры подчеркивается в работах Н.Л. Пушкаревой (Пушкарева, 1999). Автор делает вывод о том, что изучение особенностей этого явления является ключом к пониманию поведенческих установок и ценностей общества Российской империи (Пушкарева, 1999: 105).

Сибирскими историками был накоплен богатый опыт в исследовании граней повседневности различных социальных категорий дореволюционной России (Кискидосова, 2012). Например, в работе И.С. Иванченко при рассмотрении такого явления, как семейно-брачные отношения, сделан вывод о влиянии Транссибирской железнодорожной магистрали как фактора урбанизации, ввиду которого трансформировалась патриархальная семья (Иванченко, 2021).

Термин «сексуальная коммерция» в рамках проблемного вопроса институционализации явления в дореволюционной России чаще применяется на страницах исследований зарубежных авторов наряду с понятием «проституция» в качестве синонима (Hearne, 2021). Многоаспектный характер этого феномена в Западной Сибири был рассмотрен Н.К. Мартыненко (Мартыненко, 2010).

Рассмотрение сексуальной коммерции в дореволюционной России в эпоху существования реформы Л.А. Перовского шло с позиций девиантного, отклоняющегося поведения (Быкова, 2004). Сам термин отклоняющегося поведения характерен для социологических наук. Ярким представителем исследования девиантологии является И.Я. Гишинский (Гишинский, 2010). Он рассматривает девиацию как коррелят изменчивости любого общества. Однако стоит отметить, что на некоторых территориях практики сексуального обмена среди определенных категорий населения могли не восприниматься как отклонение от существовавших поведенческих норм. Более того, при расширении круга акторов рынка интимных услуг можно сделать вывод о том, что участники сексуальной коммерции нередко не воспринимали свою деятельность как маргинальное, стыдное занятие.

Концепция дихотомии частного и публичного являлась характерной чертой социологических исследований (Теннис, 2002). В настоящей статье предпринята попытка рассмотрения граней повседневностей посредством использования данного понятийно-категориального аппарата.

4. Результаты

Российская Империя являлась государством, где моральный закон вершила супружеская пара. Именно она являлась основной инстанцией в истине и правде, нравственным началом любого индивида. Традиционно российская и сибирская, в частности, патриархальная семья представляла собой многопоколенную многодетную ячейку общества (Кискидосова, 2012: 35). В этой системе женщине отводилась определенная роль: «Самое важное назначение женщины – преобладающее направление служения роду, поддержанию породы, а поэтому природа организовала телесные и духовные отправления таким образом, чтобы женщина ограничивалась единственно только родовой функцией, между тем как мужчина обязан принимать в ней лишь временное и мимолетное участие, посвящая все остальное время своим социальным целям. Мужчина – рассудок и характер, женщина – чувство и слабость» (Силов, 1897: 54). Из этого суждения следует, что мужчина являлся частью общественных отношений, он постоянно находился в диалоге с социумом. Однако женщина в этой структуре ценностей и была «приватностью» – ее мысли, чувства, деятельность сосредоточены на семье и служении ей.

Важность женской роли в патриархальной семье подчеркивалась институтом церкви: «Женщина – мать, первая влагает в детскую душу первое чистое чувство, первую мысль о святом имени Божию, первый страх перед всяким злым делом» (Енисейские епархиальные..., 1884b: 304).

Церковный брак мог быть расторгнут по нескольким причинам: 1) по половой дисфункции мужа; 2) вследствие прелюбодеяния; 3) «по неизвестному долговременному отсутствию одного из супругов»; 4) при лишении одного из них всех прав состояния; 5) при желании двух супругов, не имевших малолетних детей, принять постриг в монашество (Шашков, 1879: 76).

Церковь не высказывалась на страницах своей официальной печати о легализованном институте сексуальной коммерции. Однако она четко очерчивала границы нравственного и безнравственного. «Духовная природа» являлась благом, а «служение плоти» – «непотребством»

(Енисейские епархиальные..., 1884а: 91). При этом «греховные склонности» (зависть, ссоры, вражда, нечистота, nepotребство) можно отнести к приватным понятиям. «Служение плоти» – это частный выбор индивида ввиду «греховных склонностей» (Енисейские епархиальные..., 1884: 56). Однако служение общему благу, постижение нравственности, помощь тем, кто оступился, – дело общественное (Енисейские епархиальные..., 1884: 92).

Одним из проявлений дихотомии в этот период времени по отношению к феномену сексуальной коммерции являлось понятие «милости к падшим» (Нестеренко, 2024: 160). Оно было характерно для либерально настроенной общественности конца XIX в. Этот термин обозначал христианскую православную добродетель по отношению к оступившимся. В Российской империи он применялся по отношению к женщинам, которые предоставляли интимные услуги. Сторонниками этой концепции являлись Н.А. Добролюбов и Н.Г. Чернышевский (Вдовин, 2022: 15). Вышеизложенное понятие было в большей степени характерно для городского ландашфта, нежели сельского. «Милость к падшим» не являлась дихотомией, а была одним из ее проявлений в публичном пространстве. Касаясь частной интимной жизни акторов, это общественное явление не выходило за рамки понимания нормы. Существовая в локусе тех женщин, которые понимали стыдливость за свои поступки и промысел, а также тех, кто готов протянуть руку помощи, «милость к падшим» входила в рамки христианской добродетели и понимания морали.

С другой стороны, «милость к падшим» не являлась характерным поведенческим коррелятом. Ввиду общественной активности и фактов неприятия реформы государство аккуратно регулировало и встраивало институт легализованной сексуальной коммерции в общественные механизмы. Например, официальные власти в 1844 г., через год после введения реформы, издали Правила, по которым полицмейстеры обязаны были закрывать публичные дома по воскресеньям и в праздничные дни до обедни. Эти Правила были дополнены в 1908 г. тем, что дома терпимости следовало закрывать также во время страстной недели (Мартыненко, 2010: 102).

Тема аномальной сексуальности остро воспринималась российским обществом. Большинство жителей Енисейской губернии были православными, поэтому идея секса, не ведущего к зачатию, являлась для них греховной (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 36. Л. 16). Она противоречила доброму идеалу христианства. «Распутное» поведение наказывалось, чтобы «вразумить от блуда до отрицания» (ГАКК. Ф. 803. Оп. 1. Д. 305. Л. 3). Дел относительно женского «распутного поведения» с последующей епитимьей значительно больше, чем по обвинению в этом мужчин (ГАКК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 2556). Однако в Енисейской губернии были дела, где в «худом поведении» обвинялись мужчины. В 1884 г. абаканский дворянин был обвинен в «развратной жизни» ввиду многочисленных жалоб, а также доказанных фактов принуждения к прелюбодеянию крестьянок (ГАКК. Ф. 595. Оп. 17. Д. 3217. Л. 2). Стоит оговориться, что легализация сексуальной коммерции и преступления против половой неприкосновенности качественно и количественно не влияли друг на друга.

В институте легализованной сексуальной коммерции понятий «блуд» и «прелюбодеяние», а также наказаний за эти действия, не было. Акторами, которые были юридически введены в ранг профессии и ремесла, являлись женщины, которые предоставляли интимные услуги, а также содержательницы домов терпимости. Ввиду их легального статуса у них были обязанности, например:

1. Женщины, предоставлявшие сексуальные услуги, должны были предъявлять медицинские билеты или листы о состоянии их здоровья, если клиент о том попросил;
2. Женщинам-акторам сексуальной коммерции воспрещалось показываться в окнах занимаемых ими квартир в непристойном виде, «затрагивать на улицах прохожих и зазывать их к себе»;
3. Каждая женщина, занятая на рынке интимных услуг, была обязана исполнять рекомендации врача, у которого она наблюдалась (ГАКК. Ф. 595. Оп. 23. Д. 107. Л. 13).

Заниматься сексуальной коммерцией могла любая женщина, достигшая совершеннолетия. Она получала в полицейском управлении медицинский билет и обязана была являться с ним на еженедельные осмотры. Если супруга занималась сексуальной коммерцией легально, а муж был против этого, таковой факт не являлся законным основанием для расторжения брака. В 1908 г. полицейское управление ввиду фиксирования спорных случаев обязало женщин, которые изъявляли желание заниматься сексуальной коммерцией, приносить письменное согласие супруга (Мартыненко, 2010: 55).

Однако те женщины, которые выходили за рамки реформы графа Л.А. Перовского и были причислены к «тайному разврату», могли наказываться ввиду того, что юридически в уголовном законодательстве не произошло изменений после введения легализации сексуальной коммерции. За нее также в кодексе предусматривалось уголовное наказание (Шашков, 1879: 47). Эти две противоположности (реформа с институционализацией этого явления и уголовное наказание за «распутство») сосуществовали в нормотворческом поле Российской империи и не претерпели изменений вплоть до 1917 г.

В пространстве губернии в отношении неоднозначных семейно-брачных поведенческих паттернов выделялся г. Енисейск. Для него был характерен «сибирский брак» – сожителство без церковного скрепления отношений (Шашков, 1879: 107). При этом для вступления в подобные «узы»

мужчины нередко выбирали женщин, которые «промышляли развратом» (Уманьский, 1888: 85). Для устройства подобной «карьеры» были предусмотрены специальные «сводни» – посредники между богатыми купцами и женщинами. А. Уманьский описывал одну из них. Она пользовалась популярностью, но скрывала свое имя. Местные жители называли ее «Варвара с гитарой» (Уманьский, 1888: 86). Стоит сказать, что социум воспринимал подобного рода сожителства внутри Енисейска как норму, однако для остальных посетителей города такое поведение расценивалось как «простой разврат» (Уманьский, 1888: 87). Подобные связи свидетельствовали о достаточно свободном внедрении частной жизни в публичное пространство. Такое явление может свидетельствовать об отсутствии или размытости границ приватного у определенной категории жителей губернии.

Городской социальный ландшафт отличался от сельского. Крестьянская община была оплотом сибирского социума в деревне. Б.Е. Андусев отмечает, что сибирская община являлась «замкнутым миром полноправных граждан» (Андусев, 2003: 23). Стоит отметить, что различия в поведенческих нормах среди волостей Енисейской губернии лежали в населявших ее элементах. Если старожильческая община предъявляла к каждому ее члену высокие требования, то локус, который складывался вокруг ссыльных элементов, не соответствовал этой характеристике. В качестве примера можно привести Зеледеевскую волость, где ссыльный элемент формировал особые поведенческие паттерны (ГАКК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1719. Л. 19). В ней часто фиксировались случаи «развратного поведения», а также «худого», то есть преступного (ГАКК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 2556. Л. 6). У многих представителей зеледеевского общества отсутствовала система нравственных противовесов. Они могли вовлекать в преступные деяния крестьян, формировать у них определенные поведенческие стереотипы, например, избиение жен, конокрадство, пьянство, вовлечение в проституцию (ГАКК. Ф. 813. Оп. 1. Д. 154. Л. 8).

Повседневный уклад жизни крестьян базировался на общинных устоях. Проблема отсутствия частного пространства – это ментальная характеристика крестьянской общинной организации, так как она максимально ограничивала частное пространство личности. Крестьянская община не допускала закрытости, ее участниками это воспринималось как норма. Например, в деревнях был распространен «кормиличный промысел», то есть женщина могла «кормить грудью» не своего младенца (Русский врач, 1902: 397). Это являлось причиной распространения «сифилиса невинных», полученного неполовым путем. В целом государственные суждения долгое время связывали распространение венерических заболеваний непосредственно с сексуальной коммерцией, однако уже в начале XX столетия врачами был сделан вывод о том, что женщины, предоставлявшие интимные услуги, не всегда являлись источником заражений (Русский врач, 1902: 1060).

Отсутствие приватности можно проследить также среди игр, характерных для незамужних и неженатых сельских жителей. Многие молодые люди имели обычай ходить на вечера, где играли «с поцелуями». Юноша мог поцеловать любую понравившуюся ему девушку (ГАКК. Ф. 136. Оп. 1. Д. 707). Подобные игры нарушали границы интимного, однако не воспринимались обществом как то, что выходило за границы дозволенного.

М. Фуко в своей работе «Воля к истине: по ту сторону сексуальности» пишет: «Что же касается секса, не ведущего к зачатию, то он, если упорствует и слишком себя показывает, оказывается чем-то аномальным: он получает соответствующий статус и должен расплатиться соответствующим образом» (Фуко, 1996: 255). В губернии были нередки дела, связанные с прелюбодеянием: измена супругов, вступление в половую связь без брака и т.д. За такой проступок предполагалось наложение епитимьи и другие формы наказаний (ГАКК. Ф. 812. Оп. 1. Д. 166. Л. 10). Любовная связь вне семьи – это то, что каралось законом, было порицаемо обществом. Поэтому многие крестьянки скрывали беременности вне брака, а также могли прибегнуть к прекращению беременности или умерщвлению детей ввиду боязни наказания. Например, Тобольская духовная консистория, которая занималась делами о прелюбодеяниях в Енисейской губернии, разобрало дело, касавшееся 18-летней Анны Саламатовой, которая забеременела «в блюде» от 22-летнего крестьянина. Сразу после рождения ребенка они убили младенца и закопали его в тайге, сказав в деревне Малонахвальской, что младенец умер при родах. За прелюбодеяние на Анну наложили епитимью, а вот за погибшего от ее рук младенца – 40 ударов розгами (ГАКК. Ф. 812. Оп. 1. Д. 166. Л. 7).

В Енисейской губернии фиксировались случаи насилия над женщинами их супругами (ГАКК. Ф. 812. Оп. 1. Д. 166. Л. 2). С.С. Шашков, описывая брачные отношения в Сибири, говорил: «Над супружеской кроватью постоянно висела плеть, исключительно предназначенная для жены и называвшаяся дураком; муж таскал жену за волосы, привязывал веревками и сек дураком» (Шашков, 1879: 39). Все это могло происходить при детях, которые в дальнейшем могли перенимать поведенческие привычки своих родителей, становясь для государства людьми с «плохой наследственностью» (ГАКК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 301. Л. 36). Стоит отметить, что невозможно статистически проследить количество подобных форм насилия относительно показателей иных форм поведения супругов. Женщины могли обращаться «к букве закона» в исключительно крайних случаях, как, например, крестьянка Александра Куликова, которая обратилась в полицейское управление в 1885 г. ввиду постоянных истязаний со стороны супруга (ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 683). Причиной, по которой

она долгое время не придавала огласке действия супруга, была материальная составляющая. Она не имела средств к существованию и воспитанию четверых малолетних детей.

Отклонения от брачной жизни, различные формы прелюбодеяния считались делом внутрисемейным. Однако в случаях, если дело передавалось в волостной суд, оно предавалось огласке. В данном контексте действовал принцип публичности наказания. Это могло не только навредить моральному облику супругов, но и сформировать круг проблем, связанных с общественно-коллективными отношениями индивида и его односельчанами.

5. Заключение

Таким образом, дихотомическое разделение двух понятий приблизило к пониманию противоречивости повседневных практик. Однако взаимоотрицающие свойства и характеристики некоторых суждений говорят о единстве противоположностей. Существование патриархальной семьи с системой ценностных ориентиров и воспитательных функций, базировавшихся на православной морали, не исключало практики сексуального обмена на легальных началах. Более того, Енисейская губерния ввиду уникальности социального пространства обладала некоторыми несвойственными проявлениями дихотомий, как, например, «сибирский брак». Акторы таких практик приватное поле на свободных началах включали в публичное пространство, что говорило о размытости границ представлений о частном и публичном. Безусловно, скученность семей, стесненные жилищные условия, алкоголизм, поведенческие аномалии приводили к отсутствию в ментальном понимании границ частного. Однако сложность общественных отношений в Енисейской губернии существовала в интегральном взаимодействии дихотомии приватного и публичного.

Литература

- [Андюсов, 2003](#) – *Андюсов Б.Е.* Сибирское краеведение. Красноярск, 2003. 179 с.
- [Быкова, 2004](#) – *Быкова А.Г.* Социальные аномалии в истории больших городов Западной Сибири. 1880–1914 гг. Омск, 2004. 96 с.
- [Вдовин, 2022](#) – *Вдовин А.В.* Дамы без камелий. Письма публичных женщин Н.А. Добролюбову и Н.Г. Чернышевскому. М.: ВШЭ, 2022. 238 с.
- [ГАИО](#) – Государственный архив Иркутской области.
- [ГАКК](#) – Государственный архив Красноярского края.
- [Гилинский, 2010](#) – *Гилинский И.Я.* Российская социология девиантности и социального контроля (девиантология) в 60-е – 90-е гг. XX столетия // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2010. №1. С. 7-19.
- [Гуссерль, 2023](#) – *Гуссерль Э.* Идея феноменологии: пять лекций. 4-е издание. Гуманитарная академия, 2023. 320 с.
- [Дворецкая, 2018](#) – *Дворецкая А.П.* Православная церковь и население Приенисейской Сибири 1700–1919 гг. Красноярск, 2018. 295 с.
- [Енисейские епархиальные..., 1884](#) – *Енисейские епархиальные ведомости*. 1884. № 4. С. 56.
- [Енисейские епархиальные..., 1884a](#) – *Енисейские епархиальные ведомости*. 1884. № 6. С. 91-92.
- [Енисейские епархиальные..., 1884b](#) – *Енисейские епархиальные ведомости*. 1884. №22. С. 304.
- [Иванченко, 2021](#) – *Иванченко И. С.* Брак и семья в культуре русского крестьянства Западной Сибири во второй половине XIX в. // *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2021. № 3. С. 21-28.
- [Кискидосова, 2012](#) – *Кискидосова Т.А.* Повседневная жизнь горожан Енисейской губернии во второй половине XIX - начале XX века. Абакан, 2012. 351 с.
- [Кон, 2010](#) – *Кон И.С.* Клубничка на березке. Сексуальная культура в России. Время, 2010. 608 с.
- [Лебина, 2018](#) – *Лебина Н.Б.* Советская повседневность. Нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 483 с.
- [Мартыненко, 2010](#) – *Мартыненко Н. К.* Регламентация проституции в России (вторая половина XIX – начало XX в.). Воронеж, 2010. 180 с.
- [Матвеева, Хаит, 2019](#) – *Матвеева Д. Н., Хаит Н.Л.* К вопросу о медико-охранительной стороне проституции в XIX – начале XX вв. на примере Енисейской губернии // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2019. №2. С. 127-132.
- [Мельников, 2015](#) – *Мельников М.В.* Дихотомия приватного и публичного в проблематике социологического знания // *Грамота*. 2015. № 12. С. 123-128.
- [Нестеренко, 2024](#) – *Нестеренко Д.Н.* Особенности взаимоотношений маргинальных элементов и общества на примере феномена проституции в XIX веке (по материалам Енисейской губернии) // *Социально-экономический и гуманитарный журнал ГАУ*. 2024. №1. С. 155-164.
- [Пушкарева, 1999](#) – *Пушкарева Н.Л.* «А се грехи смертные...». Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.). Москва, 1999. 863 с.
- [Русский врач, 1902](#) – *Русский врач*. 1902. №10. С. 397.
- [Русский врач, 1902](#) – *Русский врач*. 1902. №29. С. 1060-1061.

- Силов, 1897** – Силов В. Женщина замужем. Исследование о физических, душевных и нравственных обязанностях и правилах замужних женщин. Москва, 1897. 77 с.
- Теннис, 2002** – Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Владимир Даль, 2002. 451 с.
- Терскова, 2010** – Терскова А.А. Духовное сословие Енисейской губернии второй половины XIX – начала XX века // *Вестник КГПУ*. 2010. № 1. С. 219–223.
- Уманьский, 1888** – Уманьский А. Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге. СПб.: 1888, 170 с.
- Фуко, 1996** – Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистерииум, 1996. 488 с.
- Шашков, 1879** – Шашков С.С. История русской женщины. СПб, 1879. 352 с.
- Hearne, 2021** – Hearne S. Policing prostitution. Regulating the lower classes in Late Imperial Russia. Oxford University Press, 2021. 209 p.

References

- Andiusev, 2003** – Andiusev, B.E. (2003). Sibirskoe kraevedenie [Siberian studies]. Krasnoyarsk, 179 p. [in Russian]
- Bykova, 2004** – Bykova, A.G. (2004). Sotsial'nye anomalii v istorii bol'shikh gorodov Zapadnoi Sibiri. 1880–1914 gg. [Social anomalies in the history of large cities of Western Siberia. 1880-1914]. Omsk, 96 p. [in Russian]
- Dvoret'skaia, 2018** – Dvoret'skaia, A.P. (2018). Pravoslavnaia tserkov' i naselenie Prieniseiskoi Sibiri 1700–1919 gg. [The Orthodox Church and the population of Prienisei Siberia 1700-1919]. Krasnoyarsk, 295 p. [in Russian]
- Eniseiskie eparkhial'nye..., 1884** – *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti*. 1884. № 4. P. 56. [in Russian]
- Eniseiskie eparkhial'nye..., 1884a** – *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti*. 1884. № 6. Pp. 91-92. [in Russian]
- Eniseiskie eparkhial'nye..., 1884b** – *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti*. 1884. №22. P. 304. [in Russian]
- Fuko, 1996** – *Fuko, M.* (1996). Volia k istine: po tu storonu znania, vlasti i seksual'nosti [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality]. M.: Magisterium, 488 p. [in Russian]
- GAIO** – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti [State Archive of the Irkutsk Region].
- GAKK** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia [State Archive of the Krasnoyarsk Krai].
- Gilinskii, 2010** – Gilinskii, I.Ya. (2010). Rossiiskaia sotsiologiya deviantnosti I sotsial'nogo kontrolya (deviantologiya) v 60-e – 90-e gg. XX stoletiya [Russian sociology of deviance and social control (deviantology) in the 60s-90s of the XX century]. *Vestnik Kazanskogo iuridicheskogo institute MVD Rossii*. 1: 7-19. [in Russian]
- Gusserl', 2023** – *Gusserl', E.* (2023). Ideia fenomenologii: piat' lektzii. 4 izdanie. [The idea of phenomenology: five lectures. 4th edition]. Gumanitarnaia akademiia, 320 p. [in Russian]
- Hearne, 2021** – *Hearne, S.* (2021). Policing prostitution. Regulating the lower classes in Late Imperial Russia. Oxford University Press, 209 p.
- Ivanchenko, 2021** – *Ivanchenko, I.S.* (2021). Brak i sem'ia v kul'ture russkogo krest'ianstva Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX v. [Marriage and family in the culture of the Russian peasantry of Western Siberia in the second half of the 19th century]. *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 3: 21-28. [in Russian]
- Kiskidosova, 2012** – *Kiskidosova, T.A.* (2012). Povsednevnaia zhizn' gorozhan Eniseiskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Daily life of the townspeople of Yenisei province in the second half of the XIX – early XX centuries]. Abakan, 351 p. [in Russian]
- Kon, 2010** – *Kon, I.S.* (2010). Klubnichka na berezke. Seksual'naia kul'tura v Rossii [Strawberry on a birch tree. Sexual culture in Russia]. Vremia, 608 p. [in Russian]
- Lebina, 2018** – *Lebina, N.B.* (2018). Sovetskaia povsednevnost'. Normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shому stilu [Soviet everyday life. Norms and Anomalies. From War Communism to Big Style]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 483 p. [in Russian]
- Martynenko, 2010** – *Martynenko, N.K.* (2010). Reglamentatsiia prostitutsii v Rossii (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.) [Prostitution in Russia (second half of the 19th – beginning of the 20th centuries)]. Voronezhch, 180 p. [in Russian]
- Matveeva, Khait, 2019** – *Matveeva, D.N., Khait, N.L.* (2019). K voprosu o medico-okhranitel'noi storone prostitutsii v XIX – nachale XX vv. na primere Eniseiskoi gubernii [To the question of medical and safety side of prostitution in XIX - early XX centuries on the example of Yenisei province]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Sibiri*. 2: 127-132. [in Russian]
- Mel'nikov, 2015** – *Mel'nikov, M.V.* (2015). Dikhotomiia privatnogo i publichnogo v problematike sotsiologicheskogo znaniia [The Dichotomy of Private and Public in the Problems of Sociological Knowledge]. *Gramota*. 12: 123-128. [in Russian]

Nesterenko, 2024 – Nesterenko, D.N. (2024). Osobennosti vzaimootnoshenii marginal'nykh elementov i obshchestva na primere fenomena prostitutsii v XIX veke (po materialam Eniseiskoi gubernii) [Peculiarities of relations between marginal elements and society on the example of the phenomenon of prostitution in the XIX century (on the materials of Yenisei province)]. *Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyi zhurnal GAU*. 1: 155-164. [in Russian]

Pushkareva, 1999 – Pushkareva, N.L. (1999). «A se grekhi smertnye...». Liubov', erotika i seksual'naiia etika v doindustrial'noi Rossii (X – pervaiia polovina XIX v.) [«And these are mortal sins...». Love, Erotica and Sexual Ethics in Pre-Industrial Russia (10th - first half of the 19th century)]. M., 863 p. [in Russian]

Russkii vrach, 1902 – *Russkii vrach*. 1902. №10. P. 397. [in Russian]

Russkii vrach, 1902 – *Russkii vrach*. 1902. №29. Pp. 1060-1061. [in Russian]

Shashkov, 1879 – Shashkov, S.S. (1879). Istoriia russkoi zhenshchiny [The story of a Russian woman]. Spb, 352 p. [in Russian]

Silov, 1897 – Silov, V. (1897). Zhenshchina zamuzhem. Issledovanie o fizicheskikh, dushevnykh i npravstvennykh obiazannostiakh i pravilakh zamuzhem [Woman married. A study of the physical, mental, and moral duties and rules of married women]. M., 77 p. [in Russian]

Tennis, 2002 – Tennis, F. (2002). Obshchnost' i obshchestvo. Osnovnye poniatia chistoi sotsiologii [Community and society. Basic concepts of pure sociology]. SPb.: Vladimir Dal', 451 p. [in Russian]

Terskova, 2010 – Terskova, A.A. (2010). Dukhovnoe soslovie Eniseiskoi gubernii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [The clergy of Yenisei province in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Vestnik KGPU*. 1: 219-223.

Uman'skii, 1888 – Uman'skii, A. (1888). Ocherki zolotopromyshlennosti v Eniseiskoi taiga [Essays on gold industry in the Yenisei taiga]. SPb.: 170 p. [in Russian]

Vdovin, 2022 – Vdovin, A.V. (2022). Damy bez kamelii. Pis'ma pyblichnykh N.A. i N.G. Chernyshevskomu [Ladies without Camellias. Letters of Public Women to N.A. Dobroliubov and N.G. Chernyshevsky]. M.: VSHE, 238 p. [in Russian]

Дихотомия публичного и частного на примере феномена сексуальной коммерции в Енисейской губернии в конце XIX – начале XX вв.

Дарья Николаевна Нестеренко ^{a, *}, Денис Николаевич Гергилев ^a, Надежда Леонидовна Хаит ^a, Татьяна Владимировна Излученко ^a

^a Сибирский Федеральный университет, Гуманитарный институт, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрен феномен сексуальной коммерции через призму концепции дихотомии публичного и частного (частного) в пространстве дореволюционного общества Российской империи середины XIX – начала XX вв. Приватное – это категория, которая включала в себя то, что скрыто от общества. Приватное связано с индивидуализмом, наличием внутренних нравственных противовесов, которые очерчивают то пространство, куда остальным участникам социума, как правило, нет доступа. Публичное же связано с общественными отношениями. При этом границы понятий изложены ввиду сосуществования в дореволюционной России двух противоположных социальных институтов: патриархальной семьи с набором ценностных установок и института легализованной сексуальной коммерции, которая была введена в ранг ремесла после реформы графа Л.А. Перовского. Сексуальная коммерция как явление использовалась исследователями в качестве понятийно-категориального аппарата, обозначающего практики сексуального обмена. Применение такого термина исключало моральную нагруженность других понятий, таких, как, например, проституция. Концепция дихотомии через взаимоотрицающие свойства явлений в настоящем исследовании позволила сделать вывод об отсутствии взаимоисключения двух институтов. Социальные процессы, которые были рассмотрены в статье сквозь призму дихотомии, позволили приблизиться к сущности противоречивости повседневности. Уникальный локус Енисейской губернии внутри пространства Российской империи предполагал наличие аутентичных бытовых практик среди определенных социальных категорий. Они не воспринимались как аномалия, но при этом нарушали границы, очерченные обществом в локусе приватности. Синтетические корреляты поведенческих норм и аномалий российского дореволюционного общества позволили преодолеть некоторые противоречия теоретических и методологических препятствий.

Ключевые слова: дихотомия, публичное, частное, XIX – начало XX вв., сексуальная коммерция, Енисейская губерния, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: d.n.matveeva@mail.ru (Д.Н. Нестеренко)